

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Читайте
захватывающие остросюжетные романы
Ирины Градовой:

СЕРИАЛ
«СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ДОКТОР МОНОМАХ»

Предложение, от которого не отказываются	Экзотический симптом Клиническая ложь
Не делай добра	Горькое лекарство
Смерть навывнос	Побочные эффекты

СЕРИАЛ
«СЫЩИЦА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ»

Окончательный диагноз	Иностранное тело
Врач от бога	Вскрытие покажет
Пациент скорее жив	Второе рождение
Последний секрет Парацельса	Врачебная ошибка
Чужое сердце	Рецепт от Фрейда
Забывтая клятва Гиппократата	Мальтийский пациент
Шоковая терапия	Врачебные связи
Клиника в океане	Диагностика убийства
Вакцина смерти	Сколько стоит твоя смерть
Источник вечной жизни	Инстинкт хищницы

СЕРИАЛ
«БАЛЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ»

Танец над пропастью	Последняя надежда обреченных
Ария для призрака	Актриса на роль подозреваемой
Венчальное кольцо Нибелунгов	Соло на раскаленной сцене
	Гнев Пигмалиона

СЕРИАЛ
«АДВОКАТ НА ДОВЕРИИ»

Ложь под звездным соусом
Жена государственной важности

СЕРИАЛ
«СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЭМПАТ»

Проклятие ДНК	Смерть под занавес
Ювелирная работа	Без кожи
Кровь ангелов	Убийство в час быка

Ирина Градова

Убийство
В ЧАС БЫКА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Редактор серии *А. Антонова*

Градова, Ирина.

Г75 Убийство в час быка / Ирина Градова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-233066-7

Принципиальный прокурор Евгений Пак бросает вызов системе, взявшись за дело о жестоком убийстве бездомного, совершенном бандой золотой молодежи.

Пока Пак и его команда молодых стажеров пытаются распутать паутину лжи, подкупа и саботажа, в лесах под городом следователь Алла Суркова находит жуткое захоронение четырехлетней давности.

Параллельно Лера Медведь расследует странную смерть преподавателя балетной академии, чьей ученицей является дочь прокурора Пака.

Судьбы разных людей сплетаются в тугой узел, когда становится ясно, что за всеми преступлениями стоит один и тот же человек, настоящий злой гений...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2026
ISBN 978-5-04-233066-7 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Час Быка – по китайскому времени с 01.00 до 03.00. Китайский эпос гласит: «Земля рождена в час быка» – то есть в самое темное время суток, перед рассветом. Три часа ночи считается временем гибели Христа. Бытует мнение, что большинство войн и военных операций начинались именно в это время. По цигуну, Час Быка соответствует энергии «ян», символизирующей смерть.

* * *

Огромная рыба походила на гигантскую тень, а дрожь воды, рассекаемой ее плавниками-крыльями, делала иллюзию еще более реальной. Мерные движения этих «крыльев» гипнотизировали, не позволяя взгляду оторваться от необычного зрелища. На табличке, прикрепленной к металлическому шесту, значилось: «Манта (*Mobula birostris*). Скот одноименного рода орляковых отряда хвостоклообразных. Масса крупных экземпляров достигает трех тонн. Имеют широкое распространение в умеренных, тропических и субтропических водах по всему миру. Питаются зоопланктоном. Размножаются яйцеживорождением. Опасности для человека не представляют».

– Спишь?

Руки Милы обвились вокруг его талии: она любила подкрасться незаметно.

– Я что, конь? – усмехнулся Евгений.

– Почему конь?

– Только они спят стоя.

– А еще жирафы, зебры и слоны... Если не спишь, тогда что ты делаешь? Я наблюдала за тобой: ты стоишь так уже минут десять!

— Может, я медитирую?

— Не смей меня!

— Где дети?

— Смотрят, как кормят тюленей: сейчас как раз время обеда! Спасибо, что согласился нас сопровождать, ведь мы так редко выбираемся куда-то вместе!

— Ну, знаешь, это ведь не только моя вина...

— Разве я тебя обвиняю?

Чистая правда: Людмила никогда и ни в чем его не обвиняет — она для этого слишком мудра. Иногда создается впечатление, что она — его мать, а не супруга, ведь только родители любят своих детей, несмотря ни на что, оправдывая в любой сомнительной ситуации. Однако Мила обладает острым языком и не упускает случая его подколоть — конечно же, любя.

— Ну что ты нашел в этой рыбе, а? — с тоской в голосе поинтересовалась она. — На мне новое платье, а ты смотришь на нее!

— Это что сейчас было — ревность? К... рыбе?!

— Ты же знаешь, что я ревную тебя ко всему: к подушке, на которой ты спишь, к тарелке, из которой ты ешь...

— ...к газете, которую я читаю! — со смехом закончил он.

— К любому человеку или предмету, на который ты смотришь вместо того, чтобы смотреть на меня!

Тон ее был шутливым, но она-то отлично знала, что говорит серьезно. Людмила не считалась красавицей даже в юности: слишком круглое лицо, чересчур узкие глаза и большой рот. Зато волосы, длинные и густые, являлись предметом ее гордости, как и светлая, фарфорово-прозрачная кожа. На этом, пожалуй, все. С возрастом Мила стала привлекательнее. Она добилась этого постоянной диетой, спортом и уходом за телом, кожей и волосами, тщательно следуя всем модным тенденциям и компенсируя недостаток природной красоты стилем и классом. Мила до сих пор каждый день спрашивала себя, как вышло, что именно ей достался такой красивый, умный и успешный мужчина, который, ко всему прочему, подарил ей замечательных детей?!

Она помнила их первую встречу так четко, словно это случилось вчера. Восемнадцать лет назад, на праздновании Соллаля¹. Корейская диаспора в Питере взяла за правило отмечать свой и русский Новый год одновременно, поэтому праздник в арендованном загородном особняке состоялся двадцать пятого января. Для Людмилы это был не просто выход в свет: ей предстояли *смотринь*! Она вовсе не горела желанием выйти замуж: амбициозная и целеустремленная девушка училась на втором курсе юрфака и мечтала о карьере судьи или адвоката, однако родители сочли, что девятнадцать лет – подходящий возраст для того, чтобы стать женой, а в скором времени и матерью. Спорить с ними было бесполезно, поэтому Людмила скрепя сердце согласилась, дав себе слово, что сделает все возможное, чтобы жених сам отказался от столь «заманчивого» предложения. Парень, выбранный матерью Милы, казался хорошим и *перспективным*. Она видела его фотографию и даже, по настоянию родителей, пару раз поболтала с этим Витей по видеосвязи – в конце концов, на дворе двадцать первый век, а не времена эпохи Чосон², когда свадьбы проходили без согласия жениха и невесты! Она готовилась поскучать пару часов, после чего незаметно слинять и отправиться в кафе с подружками, с которыми проводить время куда веселее, нежели с немолодыми родственниками девушек и парней, озабоченными тем, чтобы поскорее заполучить внуков. Однако все вышло не так, как она планировала. Мила не спеша продвигалась к выходу с огороженной территории, за которой маячила вожденная свобода, и в тот самый момент, когда она уже наострила лыжи, чтобы по-тихому смыться, ее взгляд зацепился за группу молодых людей, стоявших поодаль. Они болтали о чем-то и смеялись. Один из них неожиданно обернулся, широко улыбнулся и помахал рукой. Он улыбнулся и помахал вовсе

¹ Соллалль – корейский Новый год, празднуется в конце января.

² Чосон – корейское государство, существовавшее с 1392 по 1897 г., в период правления династии Ли.

не Миле, а парню, шедшему в том направлении, но она тут же поняла, что пропала! И тогда скучная вечеринка превратилась в самое что ни на есть интересное мероприятие...

— Ты никогда не думала, что рыбы — это птицы, только летают они в иной среде? — проговорил меж тем Евгений, не отрывая взгляда от манты. Гигантское существо, словно почувствовав, что стало предметом восхищения, зависло за стеклом напротив супругов и, медленно шевеля плавниками, уставилось на них своими маленькими, едва заметными на широкой морде глазками.

— Как я погляжу, ты настроен пофилософствовать! — усмехнулась Людмила.

Он собрался было возразить, но возбужденный голос сына этому помешал:

— Папа, мам, вы чего тут стоите?

Толик подлетел к ним в сопровождении младшей сестры, глаза обоих сияли.

— Там тюленей кормят, айда с нами! — выдохнула Алина.

— Точно, родичи, пошли уже! — подходя, взмолилась Юля. — Мы же ради этого пришли, нет?

Глядя на детей, Мила вдруг подумала, что никому и в голову не пришло бы делать тест ДНК, чтобы доказать их родство с отцом: свекровь частенько подтрунивает, говоря, что она нарожала ее сыну его собственных клонов — скорее можно усомниться, что Людмила их родная мать! Удивительно, какие шутки порой играет с людьми природа: вот брат Евгения Михаил, к примеру, на него совершенно не похож, а на родителей — очень. Мила вовсе не возражала против того, что все детишки пошли в Женю: в конце концов, он гораздо красивее, поэтому и от ребят глаз не оторвать! Ну, близнецы хотя бы характерами в нее, а вот младшенькая — просто огонь, медленно тлеющий под слоем углей: это у нее точно от папаши!

— Ну, пошли смотреть твоих тюленей! — широко улыбнулась она Толику, беря за руку Алину.

В этот момент зазвонил телефон Евгения.

— Минуту! — сказал он и отошел в сторонку. Звонок в законный выходной не предвещал ничего хорошего. Так и вышло!

— Народ, я вынужден вас покинуть! — виновато сообщил Евгений, завершив разговор.

— С работы? — нахмурилась Мила.

— Ну пап, так нечестно! — заныла Алина, хватая отца за рукав. — В кои-то веки выбрались куда-то вместе...

— Обещаю компенсировать вечером, — перебил он дочь.

— Как? — хором спросило семейство.

— Любое место, какое выберете!

— Прямо *любое*? — уточнил Толик, едва заметно переглянувшись с младшей сестрой.

— Эй, только не пицца! — замахала руками Юля. — Я на диете!

— Достала ты со своей диетой! — простонал паренек. — В нашей семье отродясь толстяков не было!

— Да, но никто в нашей семье еще не метил в солистки Мариинки! — парировала девочка.

— Ну, вы тут договоритесь о чем-нибудь, а я вернусь домой через пару часов, — поспешил попрощаться Евгений, понимая, что обсуждение затянется надолго.

* * *

— Ну, что думаешь?

Вопрос прокурора города Мерзлина был обращен к Евгению Паку, сидящему напротив него с каменным лицом. По этому лицу невозможно понять, что за мысли роятся в голове его обладателя: оно непроницаемо, словно у статуи Будды в храме Бонгеунса!¹

— О чем? — уточнил зампрокурора, не меняя выражения лица.

— В смысле — о чем? О *деле*, само собой!

¹ Храм Бонгеунса в Сеуле был основан в 794 году, во время правления короля государства Силла Вонсона. Знаменит одной из самых высоких статуй Будды в Южной Корее.

— Э-э... вы называете «делом» вот это безобразие, Илья Сергеевич?

— Ну, не надо, — поморщился главный. — Не надо так уж сплеча рубить-то, Евгений Михайлович! Дело, конечно, сыроватое...

— Сыроватое?! — возмущенно перебил Пак, и на этот раз его лицо выразило все, что он думал о предмете разговора. — Да оно строится на показаниях всего двух свидетелей!

— Есть записи с видеокамер, а также с телефона...

— Надо еще проверить те записи! — снова перебил шефа зам. — Что-то подсказывает мне, они могли пропасть или утратить «товарный вид»!

— Ну так вот потому-то я и поручаю дело тебе: либо доведи его до ума, либо верни на доследование — в конце концов, мы тоже не боги!

— Но почему я?

— Потому, дорогой мой, что о случившемся кричат из всех телевизоров, утюгов и даже кухонных комбайнов! А кто у нас на короткой ноге с репортерами?

— Пресс-служба прокуратуры, — буркнул Пак, отлично понимая, к чему ведет начальство.

— Журналиги тебя обожают, — игнорируя реплику подчиненного, продолжил Мерзлин, — поэтому...

— Поэтому они еще пристальнее будут следить за развитием событий! Если вы, Илья Сергеевич, полагаете, что из-за своей, как вы выразились, *любви* ко мне СМИ умерят аппетиты...

— Я *полагаю*, — на этот раз уже перебил шеф, — что ты сумеешь представить нашу работу в наиболее выгодном свете!

Говоря эти слова, он вспоминал разговор с первым замом Денисом Корнеевым.

— Ты уверен, что Пак справится? — спросил он после того, как Корнеев предложил идею передать «горячее» дело Евгению.

— А какая разница? — беспечно пожал плечами тот. — Если справится, то все «плюшки» достанутся прокуратуре, а конкретно лично тебе, так? А если не сдюжит, то весь негатив падет на него одного, ведь репортеры будут следовать за своим любимчиком по пятам, фиксируя каждый его шаг!

Мерзлин знал, что Корнеев и Пак терпеть друг друга не могут, но это его не беспокоило: в конце концов, здоровая конкуренция в коллективе этому самому коллективу только на пользу! Корнеев видел в коллеге соперника — и не зря: Евгений Пак привлек внимание московского руководства, доведя до суда и выиграв несколько успешных дел. Сам по себе выигрыш прокуратуры не имел большого значения, ведь известно, что она побеждает гораздо чаще, нежели адвокатура. Важно то, что вопреки давлению со стороны общественности и начальства Паку удалось добиться результата! Скорее всего, рекомендуя его для нового дела, Корнеев преследует собственные интересы, пытаясь любыми способами дискредитировать конкурента, сбросить того с «олимпа», куда вознесли его представители СМИ. Последнее дело о Лоскутном Маньяке стало вишенкой на торте Евгения Пака, и Мерзлину уже звонили из столицы со странными вопросами по поводу его подчиненного. Мерзлин относился к Паку прохладно, с толикой недоверия и даже ревности: тот слишком самостоятелен и прямолинеен, а заставить его изменить своим принципам — вообще дело дохлое. Он пользуется своей известностью, понимая, что подвинуть его нелегко: вздумай начальство это сделать: поднимется слишком большой шум. Поэтому Пак порой позволяет себе такое, о чем другие не могут даже мечтать. С другой стороны, он крепкий профессионал и хорошо знает свое дело. Именно по этой причине Мерзлин сомневался, что Пак примет дело в том виде, в каком ему попытаются его всучить!

— Если он откажется, — продолжал между тем Корнеев, — отдашь любому, кому сочтешь нужным: они либо все завалят, либо вернут следаку. Но Пак ведь может и выиг-

рать! В последнее время нас критикуют, и хороший «наезд» *бесстрашной* прокуратуры на сильных мира сего сыграет тебе на руку!

Слова первого зама имели смысл.

— Так что дерзай, Женья! — подытожил Мерзлин свой разговор с Паком. — Если заметишь серьезные нестыковки — возвращай на доследование. Но сам понимаешь, не хотелось бы, ведь случившееся обсуждается, а уж какая буря поднимется, если придется доложить общественности, что дело не дойдет до суда...

— Я понял, Илья Сергеевич, — буквально скрипя зубами, сказал Пак. — Сделаю все возможное!

— Вот и молодец! — похвалил шеф, самодовольно поглаживая подбородок. — Удачи тебе!

* * *

Докрутив фуэте, тоненькая фигурка в черном трико, еще больше вытягивающем и истончающем и без того стройный силуэт, замерла, храня на лице выражение полной безмятежности.

— Блестяще, звезда моя! — лучась счастьем, воскликнул сухонький пожилой мужчина, сидящий у окна. — Свободна!

Просияв, девочка сделала книксен и упорхнула. Взрослые провожали ее взглядами, пока за ней не закрылась дверь.

— Вот, Элла Борисовна, — ни убавить, ни прибавить, верно я говорю? — обратился к аккомпаниаторше мужчина.

— Вы слишком уж их хвалите, Андрей Михайлович! — неодобрительно поджала губы его собеседница, отворачиваясь от рояля, за которым сидела. — Они так распустятся совсем!

— Я знаю, кого можно похвалить, а кого и пожурить не грех, — отмахнулся он. — Юлечка не нуждается в понуканиях: она трудяга, каких мало, да и природа-матушка не обделила ее ни талантом, ни внешностью!

— Что касается внешности, то это, как говорится, на любителя, — скептически покачала головой Элла Борисовна. — С таким личиком ей вряд ли светит попасть на большую сцену!

— Да о чем вы? Она же красавица!

— Так посчитали бы в Китае или Японии, но мы с вами в России: много вы видели здесь солистов с фамилией Пак?

— Ну, во-первых, Япония тут ни при чем: Пак — фамилия корейская. Во-вторых, если уж на то пошло, милая моя Элла Борисовна, ваша фамилия Шварцман — тоже не особо русская, или я ошибаюсь? А вы видели список воспитанниц вообще — как вам Георгиади, Ляпко, Ахметов... короче, продолжать можно бесконечно! Вас послушать, так дальневосточному балету, значит, и вовсе хода нет, потому что у половины тамошних солистов разрез глаз, как у нашей Юлечки! И куда, я вас спрашиваю, вы денете Кимин Кима и Владимира Кима из Мариинки?!¹

— Да что вы раскипятились-то так, Андрей Михайлович! — растерянно пробормотала аккомпаниаторша. — Я же не ксенофобка какая-то, я только...

— Вы только — что?

— Я лишь хочу сказать, что славянская внешность котируется куда выше, нежели...

— Ну, это вы, дорогуша, загнули, — перебил репетитор. — Тут и в самом деле ксенофобией попахивает! А я вот что вам на это скажу: поглядите на фигурку Юлечки: она ведь просто статуэтка фарфоровая — скажете нет? Но внешние данные — это лишь двадцать процентов успеха, а остальные восемьдесят...

Неожиданно собеседник Шварцман осекся и умолк. Она удивленно посмотрела на него, вопрошая:

— Андрей Михайлович?

— Да? — Его взгляд казался странно расфокусированным.

¹ Кимин Ким — солист Мариинского театра родом из Южной Кореи. Владимир Ким — танцовщик Мариинского театра.

— Все хорошо?

— Хорошо? — переспросил он. — А... да, конечно, все прекрасно!

Поднявшись с места, преподаватель потрусил к дверям, оставив недоумевающую женщину сидеть за роялем.

* * *

Первым, что услышала Мила, входя в квартиру, были звуки музыки. Вопросительно взглянув на Толика, вышедшего ей навстречу, она получила ответ на свой невысказанный вопрос:

— Папа слушает Вагнера!

Мила прислушалась.

— Ну, все не так ужасно, — улыбнулась она — правда, довольно кисло. — Это всего лишь «Полет валькирий!».

Когда отец семейства пребывал в благодушном настроении, в ход шел Сибелиус, если же он находился в расстроенных чувствах — «Спуск в Нибельхайм» из «Золота Рейна» Вагнера. Сейчас звучал «Полет валькирий» последнего, а это означало, что прокурор Пак настроен воинственно.

— Обед в духовке, — пожав плечами, сказал Толик. — Бабушка приходила.

То, что свекровь навещала их дом, означало одно: в ближайшие три дня готовить не нужно, ведь эта женщина искренне считает, что семейство ее старшего сына недоедает, а потому каждый раз привозит тонны еды, забывая холодильник до отказа! Мила и сама превосходная хозяйка, но она не возражает: в конце концов, у нее не всегда хватает времени приготовить приличный ужин. Проблема в том, что свекровь тоже дама работающая, однако она неизменно находит возможность позаботиться о домашних! Может, она владеет каким-то древним заклинанием, передаваемым из поколения в поколение? Или ее предки были девятихвостыми лисами из старинных

корейских сказаний, обладающими сверхъестественными способностями?¹

Людмила прошла на кухню и проверила духовку: там оказался целый противень пельменей (естественно, самолепных!), а в холодильнике высилась стена из контейнеров с салатами и кимпабами². Оглянувшись, словно воровка, она сунула в рот сначала один ролл, а потом, прожевав его и поразмыслив несколько секунд, и второй: черт подери, ну как у свекрови так вкусно выходит?!

Вскипятив воду, Мила залила шарик связанного чая кипятком, с удовольствием наблюдая за тем, как цветок распускается в стеклянной колбе. Выждав ровно пять минут, она поставила на поднос чайник и две чашки и направилась к двери в кабинет мужа. Постояла немного снаружи, прислушиваясь к звукам музыки, и негромко постучала.

— Заходи!

Евгений стоял, засунув руки в карманы джинсов: его по-юношески стройный силуэт четко вырисовывался в полутьме на фоне окна, освещенного огнями на набережной. Белая футболка, плотно облегающая тело, отчетливо подчеркивала его грудные мышцы и плечи, открывая сильные руки. Как и всегда при взгляде на мужа, у Милы екнуло сердце: они вместе столько лет, а у нее по-прежнему перехватывает дыхание всякий раз, когда она на него смотрит. Мама считает, что это болезнь, но в то же время с жалостью подчеркивает, что такое не лечится!

— Проблемы? — спросила она, подходя к столу и ставя на него поднос.

— Типа того, — ответил он.

— Ты ужинал?

— Да. Толик и Аля тоже поели, а Юлька еще в Академии.

— Вышей чаю, — предложила она. — Я только заварила...

Может, поговорим вдвоем, без Рихарда Карловича?

¹ Девятихвостые лисы — демоны, герои японского, корейского и китайского фольклора. Могут быть как добрыми, так и злыми существами.

² Кимп аб — корейский аналог японских роллов.